

7 (20) июня

Пермская епархия принесла многих плод мученичества – пострадавших священников, диаконов и мирян; дни кончины некоторых из них неизвестны, и потому их память Церковь празднует в день памяти первого мученика-архиерея Пермской епархии Андроника.

Священномученик Игнатий (Якимов)

Священномученик Игнатий родился 24 января 1872 года в деревне Морозы Нолинского уезда Вятской губернии в семье крестьянина Димитрия Якимова. По окончании в 1889 году Нолинского духовного училища Игнатий поступил послушником в Слободской Крестовоздвиженский монастырь, где подвизался около двух лет, и затем поступил на курсы псаломщиков при Братстве святого Стефана в Перми. В 1891 году он был назначен псаломщиком в Свято-Димитриевскую церковь в село Ошиб Соликамского уезда Пермской губернии, в 1894 году переведен в Христорождественскую церковь в село Рябки Осинского уезда¹, в 1896 году – в Богоявленскую церковь села Юрлинского Чердынского уезда.

6 июня 1899 года Игнатий был рукоположен во диакона к Николаевской церкви села Кочевское того же уезда и назначен законоучителем и учителем пения в Кукушкинскую школу грамоты. В то время все большее распространение среди народа получал порок пьянства, и духовенству первым пришлось вступить с ним в борьбу, так и диакон Игнатий стал участковым попечителем в попечительстве о народной трезвости в Чердынском уезде.

2 ноября 1903 года он был рукоположен во священника ко храму Рождества Христова села Чураки Чердынского уезда и назначен законоучителем в Чураковское земское училище и заведующим Гришкинской церковно-приходской школой. В 1913 году отец Игнатий был назначен духовником округа, в 1916 году – временно исполняющим обязанности благочинного по 2-му округу церковей Чердынского уезда² и вскоре – благочинным.

После отречения Императора от престола стала быстро шириться в России смута. Если и при законной власти многие, пользуясь неразберихой, занимались в ущерб Отечеству личным обогащением, о чем с такой горечью, в предвидении тяжких последствий, писал епископ Андроник, то теперь пришел черед этим последствиям, и грабежом занялись все поправшие совесть, так как страха перед наказанием при отсутствии законной власти не было. То же было и в Чураках. Крестьяне здесь стали захватывать земельные наделы, не глядя на то, что многие из их односельчан еще не вернулись с фронта, открыто рубился казенный лес; в продовольственные комитеты и волостные управы избирались люди недостойные, распорядившиеся продовольствием в своих интересах.

Отец Игнатий выступил против грабежа казенных лесов и вступился за обижаемых крестьян. Он предложил дожидаться решения Учредительного собрания и после него уже решать земельные вопросы. Некоторые крестьяне были довольны, что он выступил в их защиту, но большинство было недовольно священником, отреагировав на его слова примерно так же, как евреи на действия

вступившегося за них Моисея: кто тебя поставил судить между нами. И задумали удалить священника из села.

17 сентября 1917 года состоялся сход крестьян села Чураки, на котором присутствовало около восьмидесяти человек, постановивший на место отца Игнатия просить у епископа Пермского Андроника другого священника. Подписались под приговором, когда большинство уже разошлось и осталось чуть более десятка присутствовавших на сходе, за не бывших на сходе и несовершеннолетних подписался председатель волостной управы, сделав уже спустя некоторое время и приписку, будто общий сход крестьян требует привлечь священника к суду за контрреволюционную деятельность. Этот приговор был отослан в Чердынский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и епархиальному архиерею. Отец Игнатий в октябре 1917 года дал по этому поводу письменные объяснения.

«По делу постановления приговора гражданами Чураковской волости... – писал он, – об удалении меня из Чураковского прихода по долгу священства имею объяснить... следующее. Неприятности пошли из-за нижеследующих лиц. Сначала я буду говорить о председателе сего собрания Андрее Тимофееве Федосееве, а потом о секретаре сего собрания, учителе Чураковского земского училища Семене Петрове Федосееве, ради которых учинен сей незаконный приговор. Первый – личность такого сорта. По настоянию Андрея Федосеева были сменены два добросовестных чураковских председателя – Волостного комитета и Продовольственного комитета, а на их место был избран дезертир Василий Петров Федосеев – родственник Андрея Федосеева. (По вступлении в должность, дезертир Василий Петров Федосеев начал отпускать богатым людям, в том числе и Андрею Федосееву, по два-три и четыре мешка ржаной муки, а бедным не более мешка. Противозаконные проделки дезертира Василия Федосеева и Андрея Федосеева я вывел наружу. По обнаружении дезертиру Василию Федосееву пришлось возвращаться туда, откуда он прибыл.) Перед отъездом, на собрании, он сказал мне, что он постарается по прибытии на место, как член Совета рабочих и солдатских депутатов... доложить “товарищам”, чтоб я был арестован как приверженец старого строя. Вторая личность такого сорта. У учителя Семена Петрова Федосеева отец Петр Афанасиев первый устроил помочь рубить казенный лес и тем подал пример к бесчинству другим... За порубку казенного леса я сделал выговор учителю при народе. Одним словом, возник сей приговор об удалении меня из прихода по инициативе моих недоброжелателей, чтобы я не тревожил их совесть, и из-за уговаривания крестьян не трогать казенный лес и не расчищать казенные места под пашню впредь до вырешения вопроса о земле на Учредительном собрании. Для осуществления своей цели враги мои не постыдились записать не бывших на митинге и несовершеннолетних и сделать приписку... другой рукой через несколько дней. Сняв с постановления и приписки копию, не оговоривши приписки в копии, Чураковский волостной комитет направил ее в Чердынский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Не зная существа дела, Совет называет меня в бумаге на имя владыки контрреволюционером, развращающим паству, потому-де в интересах спокойствия населения я должен быть удален из прихода и предан законному суду... Препровождая вторую копию епархиальному начальству, без приписки, Чураковский волостной комитет просит... перевести меня в другой приход еще потому, что я-де открыто заявляю, что без “боя” не уеду из Чураков. В буквальном смысле устраивать бой я не в силах, ибо не имею ни ружья, ни бомб, ни пулемета,

а поднимать бой могу только посредством слова правды против кривды и путем опроса прихожан, которые должны сказать мне: я не нужен им, и – тогда уйду; а ради каких-то трех-четырех моих недоброжелателей я не намерен уходить из прихода... 20 ноября... исполнится четырнадцать лет, как я священствую в сем приходе и знаю взрослых словесных моих овец не только в лицо, но и по голосу, так куда же я пойду без “боя” из сего прихода. Если бы совесть моих недоброжелателей была чиста и приговор составлен правильно, то они исполнили бы мою просьбу от 18 сего сентября... и дали бы мне копию с приговора за 17-е число... как благочинному, для представления епархиальному начальству о случившемся. Однако проходит два месяца, а копии не присылают...

В приговоре написано так: “Священник проповедует недоверие к местной администрации”. (Если граждане избирают на должность председателя Волостного комитета и Продовольственного комитета изменника Отечества, на должность секретаря принимают вора, если... рубят казенный лес и тем подают худой пример другим, то какое может быть доверие к упомянутым административным лицам?) Далее. “Препятствует наделению граждан Чураковской волости казенной землей”. Не препятствую, повторяю я, а прошу и уговариваю граждан Чураковского прихода, чтобы они не рубили казенный лес и не расчищали казенные места под пашню впредь до вырешения сего вопроса на Учредительном собрании и до возвращения солдат с войны...»³

После прихода к власти большевиков и издания ими декрета об отделении Церкви от государства, которым уже официально открывалось жестокое гонение на Церковь, начались нападения на храмы и монастыри. Епископ Пермский Андроник 25 января 1918 года разослал «всем причтам и православным прихожанам, а равно обителям Пермской епархии»⁴ послание, которое отец Игнатий прочел во время очередного крестьянского схода в селе Чураки.

«Возможно ожидать нападения, – писал епископ, – разбойников или разных захватчиков церковного или монастырского имущества, а равно и самих церквей и обителей. Надо теперь же подготовить население к такой опасности и клятвенно призывать всех, как православных, к защите церквей и монастырей от насильников и захватчиков, чтобы за попустительство вместе с ними не подвергнуться вечному осуждению от Бога. Предупредить население, что в случае нападения захватчиков будет дан набатный звон колоколов, на который православные должны поспешить, самим же захватчикам прочесть до времени сохраняемое, а потом на стенах храма вывесить в удостоверенных копиях прилагаемое мое именем Божиим клятвенное запрещение и осуждение, да удержатся готовые совершить святотатства и за это быть погубленными вместе с Ананией и Сапфирой (Деян. 5, 1-11). Объявить и всем прихожанам, что если бы даже и все они допустили насилие над церковью или обителью, то церковь их будет закрыта для священнослужения, виновники же будут отлучены от святого причастия, и если кто из них обманом духовника причастится где-либо Святых Таин, то сие причастие будет вместе с Иудой Искариотом в вечное осуждение. Стойте даже до смерти»⁵.

Прочитав послание, отец Игнатий попросил прихожан не оставить его, если кто придет грабить храм, и если они услышат звук колокола, то поспешили бы ограбить их сельскую святыню от осквернения.

15 марта 1918 года председатель Чураковского исполкома Семен Федосеев отправил в Следственную комиссию в Чердынь донос, обвинив отца Игнатия в контрреволюционной деятельности и требуя немедленного рассмотрения дела.

30 марта священник был вызван в Следственную комиссию на допрос. Возражая на предъявленные ему обвинения, отец Игнатий сказал: «С моей стороны никакой агитации против Совета народных комиссаров не было, я только прочитал в Волостном правлении распоряжение Пермского владыки Андроника от 25 января 1918 года и никаких разъяснений по поводу этого распоряжения не делал, а только сказал, что если будет какое-либо нападение на церковь, то я буду звонить в колокол и прочитаю захватчикам распоряжение владыки, при этом про красногвардейцев я не упоминал и народ к расправе, в случае нападения на церковь, не призывал... Меня обвиняют, что я сею рознь, вражду в народе, проповедую недоверие к местной администрации, всячески стараюсь подорвать авторитет передового человека. По этому поводу я могу сказать то же, что написано мною в объяснении, поданном Пермскому архиерею... Если граждане избирают на должность председателя Волостного комитета и Продовольственного комитета изменника Отечества, а на должность его секретаря принимают вора, если семейные учителя... помочью рубят казенный лес и тем подают худой пример другим, то какое может быть доверие к упомянутым административным лицам... Более к тому, что ранее мною было сказано, прибавить ничего не могу, только добавляю, что как раньше я призывал народ к порядку, так и теперь призываю к нему... Прошу... произвести формальное расследование, кто был на собрании 17 сентября, так как многие записаны не бывшие на этом собрании»⁶.

Был вызван на допрос староста Христорождественского храма села Чураки, который показал: «Я, церковный староста, заявляю, что священник отец Игнатий Якимов человек хороший, в течение четырнадцати лет ничего от него худого не видали и не слышали. Никаких выступлений с его стороны не было. Обвинение его в этом является потому, что он заступает за нас, бедных, не дает нас в обиду»⁷. Тут же на допросе староста дал поручительство за священника, чтобы власти не подвергали пастыря аресту. «Ручаюсь своим имуществом в том, что священник Игнатий Дмитриев Якимов не уклонится от суда и не будет допускать контрреволюционных выступлений»⁸, – написал он.

Священник был освобожден из-под стражи, и формальное следствие на основании многочисленных показаний свидетелей подтвердило его невиновность, однако в обвинительном заключении следователь оставил лишь одни лжесвидетельства представителей чураковской администрации.

24 июля 1918 года священник Игнатий Якимов был арестован вошедшим в село Чураки отрядом большевиков-карателей и расстрелян⁹.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь».
Тверь. 2008. С. 182-188

Библиография

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 2. Тверь, 1996.

Агафонов П. Духовенство Пермской епархии 1918-1928 гг. Пермь, 1997.

Простите, звезды Господни! Составитель Виктор Королев. Фрязино, 1999.

Примечания

¹ Адрес-календарь Пермской епархии на 1896 год.

² ГАПО. Ф. 258, оп. 1, д. 6, л. 132 об-133.

³ Там же. Ф. Р-49, оп. 3, д. 2, л. 18-19.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 11-11об.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Пермские епархиальные ведомости. 1919. № 1. С. 15.